

© 2024. М. В. Михновец

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
г. Санкт-Петербург, Россия

Православные «не-свои» в геополитической картине мира Ф. М. Достоевского: христианский Кавказ и греки

Аннотация: В геополитической системе взглядов Ф. М. Достоевского разделение мира на «свой» и «чужой» зачастую происходит не по принципам государственно-административного деления, а на основе национальных и конфессиональных факторов. На примере геополитических образов армян, грузин, болгар и греков в наследии Достоевского показывается, каким образом принадлежность этноса к христианской вере, православию и славянскому миру влияют на понимание писателем того или иного народа как «своего» или «чужого». Исследование демонстрирует, что армяне-христиане и православные грузины оказываются «чужими» для писателя, несмотря на то, что входят в состав народов Российской империи, а также являются частью ее конфессиональной системы. При этом болгары — балканские православные славяне — являются «своими», в то время как православные греки — «чужими». Причина резкого неприятия греков Достоевским заключается в потенциальной угрозе, которую они представляют, по его убеждению, для будущего панславянского православного государства, ревностным сторонником появления которого он являлся. Исследование позволяет сделать вывод: для Достоевского принадлежность этноса к славянскому миру оказывается более значимой, чем его конфессиональная приверженность христианству.

Ключевые слова: Достоевский, геополитическая картина мира, Российская империя, православие, болгарский экзархат, панславизм, грузины, армяне, болгары, греки.

Информация об авторе: Мария Владимировна Михновец, кандидат филологических наук, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, набережная реки Мойки, д. 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7818-2321>
E-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

Дата поступления статьи в редакцию: 29.01.2024

Дата одобрения статьи рецензентами: 04.03.2024

Дата публикации статьи: 25.06.2024

Для цитирования: Михновец М. В. Православные «не-свои» в геополитической картине мира Достоевского: христианский Кавказ и православные греки // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 2. С. 126–145.
<https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-126-145>

This is an open access article
distributed under the Creative
Commons Attribution 4.0
International (CC BY 4.0)

Dva veka russkoi klassiki,
vol. 6, no. 2, 2024, pp. 126–145. ISSN 2686-7494
Two centuries of the Russian classics,
vol. 6, no. 2, 2024, pp. 126–145. ISSN 2686-7494
Research Article

© 2024. Mariia V. Mikhnovets
Herzen State Pedagogical University of Russia
St. Petersburg, Russia

“The Other” Orthodox in F. M. Dostoevsky’s Geopolitical Worldview: The Christian Caucasus and the Greeks

Abstract: In F. M. Dostoevsky’s geopolitical worldview, the division of the world into “ingroup” and “the other” (“outgroup”) often occurs not according to the principles of state-administrative division but based on national and confessional factors. The research aims to explore the geopolitical images of Armenians, Georgians, Bulgarians, and Greeks in Dostoevsky’s legacy. It shows how the belonging of a nation to Christianity, Orthodoxy, and the Slavic world affect the writer’s understanding of the nation as “in group” or “the other.” The study demonstrates that Christian Armenians and Orthodox Georgians turn out to be “the others” to the writer, even though they are part of the Russian Empire and its confessional system as well. At the same time, the Bulgarians — the Balkan Orthodox Slavs — are “in group,” while the Orthodox Greeks are “the other.” The reason for Dostoevsky’s aversion to the Greeks lies in the potential threat they pose, in his opinion, to the future of the pan-Slavic Orthodox state, of which Dostoevsky is a fervent supporter. The study allows us to conclude that for Dostoevsky, the belonging of an ethnic group to the Slavic world turns out to be more significant than his confessional commitment to Christianity.

Keywords: Dostoevsky, the geopolitical picture of the world, the Russian Empire, Orthodoxy, the Bulgarian exarchate, pan-Slavism, Georgians, Armenians, Bulgarians, Greeks.

Information about the author: Mariia V. Mikhnovets, PhD in Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, Moika Emb., 48, 191186 St. Petersburg, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-7818-2321>

E-mail: mikhnovets@dostoevsky.spb.ru

Received: January 29, 2024

Approved after reviewing: March 04, 2024

Published: June 25, 2024

For citation: Mikhnovets, M. V. “‘The Other’ Orthodox in F. M. Dostoevsky’s Geopolitical Worldview: The Christian Caucasus and the Greeks.” *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 2, 2024, pp. 126–145. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-2-126-145>

Художественное и публицистическое творчество Ф. М. Достоевского характеризуется особым вниманием к национальным, этнокультурным, конфессиональным вопросам, именно они лежат в основе формирования его геополитической картины мира. Так, например, в мировоззрении писателя разделение территорий зачастую происходит не по линии официальных государственных границ, а с учетом принадлежности народов к определенной конфессии. Эта принадлежность для Достоевского служит в том числе фундаментом для глобального разделения им мира на «свое» и «чужое», где «свои» — это православные христиане, а «чужими» оказываются католики, протестанты и мусульмане. В настоящей статье мы обратимся к геополитическим образам тех регионов, которые находятся или могли бы находиться в восприятии Достоевского на стыке «своего» и «чужого», а подчас принадлежать одновременно и к одному, и ко второму.

Одним из регионов Российской империи, геополитическое положение которого во второй трети XIX в. соответствовало описанным выше характеристикам, являлся Кавказ. Обратимся к описанию этого региона подробнее. Кавказ и Закавказье были населены не только мусульманскими народами, но и православными грузинами и армянами. Южным соседом последних была мусульманская Османская империя, проводившая на протяжении многовековой истории своего существования агрессивную внешнюю политику, которая распространялась на прилегающие западные (балканские) и восточные (прикавказские) земли, где проживали, главным образом, православные народы. Западные территории, населенные греками, балканскими славянами и другими этносами, были завоеваны и вошли в состав Османской империи. На востоке часть земель (в том числе южная Армения) была покорена османами, а часть, спасаясь от истребления мусульманами, присоединилась к северному православному соседу — Российской империи. Независимая до этого Грузия вошла в состав России в 1801 г., северная

Армения — в 1828 г. после череды Русско-персидских и Русско-турецких войн.

Обратим внимание на положение национальных церквей этих регионов в составе Российской империи в начале и середине XIX в. В 1811 г. была проведена безоговорочная интеграция Грузинской церкви в структуру православной конфессии, автокефалия Грузинской церкви была ликвидирована после полуторатысячелетней истории независимости [Урушадзе 2021: 67]. С этого момента и до падения Российской империи Грузинская церковь существовала как Грузинский экзархат Святейшего Правительствующего Синода Православной Российской Церкви. Армянская Апостольская Церковь благодаря своей конфессиональной обособленности занимала уникальное положение в Российской империи. Ее деятельность осуществлялась в соответствии с «Положением» («Сводом законов Армянской Церкви»), утвержденным императором Николаем I в 1836 г. [Урушадзе 2021: 65]. То есть, несмотря на продекларированную автономию, деятельность Армянской церкви была урегулирована нормативными актами Российской империи и, таким образом, Армянская церковь являлась частью конфессиональной системы страны.

Возвращаясь к геополитической картине мира Достоевского, сделаем вывод: и в плане религии, и с точки зрения государственной принадлежности закавказские территории имели все основания для того, чтобы быть причисленными к «своим» в понимании писателя. Однако, как мы увидим ниже, этого не произошло: Кавказ для Достоевского являлся гомогенным в своей принадлежности к мусульманскому вероисповеданию. Писатель не задавался вопросом о существовании христианского Кавказа, остро драматичным, а иногда и глубоко трагичным образом находившимся (и остающимся до сих пор) на границе с мусульманским миром [Михновец 2019: 101–102].

Достоевский, обладавший широким кругозором и внимательно относившийся к международной обстановке, не мог не знать о существовании кавказских христиан: грузин и армян [Михновец 2020]. Например, одним из точно установленных источников знания Достоевского о Кавказе были путевые очерки А. Дюма «*Impression de Voyage en Russie*» [Дороватовская-Любимова: 211], где описываются в числе прочего и конфликтные ситуации между мусульманским и христианским населением в этом регионе. Кроме того, во время Русско-турецкой войны

1877–1878 гг. был открыт не только Балканский, но и Кавказский фронт военных действий, и угроза нависала не просто над православными христианами (на Балканах), но над православными христианами Российской церкви (на Кавказе). Тем не менее, при внимательнейшем отношении писателя к событиям на Балканском фронте, события фронта Кавказского лишь единожды попадают в поле его внимания [Михновец 2019: 102].

Объяснением подобного отношения Достоевского к армянам может служить их конфессиональная обособленность. Обратимся к геополитическому образу армян в его картине мира. Во всем художественном наследии писателя представители этого народа упоминаются лишь однажды — дагестанский мальчик Алей попадает на каторгу из-за участия в грабеже армянского купца: «Все они ехали на разбой, подстеречь на дороге богатого армянского купца и ограбить его. Так и случилось: они перерезали конвой, зарезали армянина и разграбили его товар» [Достоевский 4: 54]. В публицистике Достоевского армяне упоминаются дважды: в записях к «Дневнику писателя» за 1876 г.: «Не было бы России, обратились бы в жалкую армяно-григорианскую ересь» (глава «Война» [Достоевский 24: 121]); «Ибо что такое Константинополь — огромная масса магометан, центр — магометане, к ним примкнул евреи, армяне и даже славяне против греков» (глава «Еще о Константинополе» [Достоевский 24: 271]). Единожды армяне фигурируют в эпистолярном наследии Достоевского — в открытом письме студентам Московского университета от 18 апреля 1878 г., где писатель осмысляет неподобающее поведение людей в храме. Он пишет: «И народ назвал их еще раз “барчонками”, а хуже того — отметил их именем “студент”, хотя тут много было каких-то евреев и армян (демонстрация, доказано, политическая, извне)» [Достоевский 30. 1: 23]. Безусловно, столь малый материал не дает основания для того, чтобы говорить о присутствии в картине мира Достоевского разработанного, целостного геополитического образа армян, тем не менее все приведенные выше цитаты характеризуют армян в едином ключе: это «чужие», «еретики», их положение среди других народов империи маргинально, подобно положению евреев и мусульман.

Если армяне в картине мира писателя могут оказаться «чужими» из-за конфессиональной инаковости, то в чем может крыться причина невнимания Достоевского к православной Грузии, которая с религиозной точки зрения никак не могла считаться «еретиком»? Почему

православные грузины, подданные Российской империи, оказываются в картине мира Достоевского «чужими» и их судьба в конфликте 1877–1878 гг. никак его не тревожит? В поисках ответа на этот вопрос обратимся к геополитическому образу православных народов, проживавших за пределами государственных границ Российской империи, но благодаря своей конфессиональной принадлежности потенциально имевших возможность оказаться «своими». К этим народам относились южные армяне, греки, сербы, болгары.

Южные армяне во времена Достоевского входили в состав Османской империи, являя собой так называемый армянский миллет — особый социально-политический институт на основе религиозной и этнической общности. Миллеты обладали некоторой автономией в составе империи, однако подвергались дискриминации. Глава миллета назначался султаном, члены общины облагались особыми налогами, зачастую обязаны были жить за чертой оседлости либо в гетто. Отметим, что для юридической системы Османской империи и греки, и балканские славяне, и армяне обладали одинаковым статусом.

То, что армяне были подданными разных государств, причем с разными государственными религиями и время от времени находящимися в состоянии военного конфликта, не могло не осмысляться общественными деятелями. Так, в российской прессе второй половины 1870-х гг. был опубликован ряд материалов, проблематизирующих взаимоотношения южных и северных армян в контексте их отношений с Российской империей (см., например, журнал «Русский мир» за 1876, № 196 от 18 июля). В статьях говорилось о том, что южные армяне имеют свое лобби в Османской империи, а также находятся в лучшем положении по сравнению с соотечественниками на севере. Кроме того, были опубликованы статьи о том, что северные армяне испытывают давление южных, якобы преследующих интересы Османской империи [Урушадзе: 68, 73].

Достоевский был в курсе этой проблемы, но обозначил свою позицию следующим образом: «помню, читал, <...> но не знаю наверно» [Достоевский 23: 403]. Писатель не подозревал армян в проосманских настроениях, вместе с тем, однако, он не был озабочен положением христиан-армян в составе мусульманской империи. Этот народ оказался вне сферы интересов писателя, был «не-своим», несмотря на его угнетение религиозно «чужими» османами.

Месту другого христианского народа — православным болгарам — в геополитической картине мира Достоевского посвящено значительное количество современных исследовательских работ ([Новикова, Понкратова...], [Новикова], [Понкратова], [Щербинин, Щербинина] и др.), поэтому подробно на этом вопросе в настоящем исследовании мы останавливаться не будем. Обобщим выводы, сделанные другими учеными: геополитический образ болгар — один из центральных в «Дневнике писателя». Ведущими характеристиками этого этноса являются его приверженность православию, принадлежность к славянскому этносу и его угнетение мусульманами Османской империи. Важнейшая внешнеполитическая цель Российской империи, согласно геополитической картине мира Достоевского, — освободить болгар от османского владычества. Болгары являются «своими» для писателя и должны в идеальном будущем войти в состав православного панславянского государства, заняв положение «младшего брата» по отношению к великороссу.

Наибольший интерес в контексте настоящего исследования представляет собой вопрос о месте в геополитической картине мира Достоевского греков как православного этноса, утратившего свою независимость после завоевания Османской империей и столетия находившегося под властью мусульман. Сразу оговоримся: в своем анализе мы не будем обращаться ко всему обширнейшему спектру тем, вопросов и образов, связанных с Древней Грецией и эллинистической культурой в творчестве Достоевского. Наше внимание будет сосредоточено исключительно на современных писателю греках.

Согласно статистическому исследованию, проведенному Е. Г. Новиковой, Е. М. Понкратовой и А. Г. Кожевниковой [Новикова, Понкратова...], в наследии Достоевского Греция упоминается в 1847 и 1848 г. по одному разу, в 1860 г. — шесть раз (из 567 упоминаний геополитических объектов в целом за год), в 1864 г. — три раза (из 120), в 1869 г. — один (из 170), в 1872 г. — два (из 388), в 1875 г. — один (из 264), в 1876 г. — семь (из 1516) и в 1880 г. — один (из 502). На протяжении всего творческого пути писателя Греция как геополитический объект упоминается 23 раза (для сравнения Турция — 304, Болгария и Сербия по 83, Кавказ — 38). Подобные статистические данные позволяют сделать вывод о том, что в наследии Достоевского образ греков не разработан подробно.

В художественных произведениях писателя греки упоминаются лишь трижды, с ними не связывается развернутая проблематика. В «Преступлении и наказании» Свидригайлов рассказывает о том, как оказался в долговой тюрьме: «Это ведь я в деревне теперь опустился. А все-таки посадили было меня тогда в тюрьму за долги, гречонка один нежинский» [Достоевский 6: 218]. В подготовительных материалах к роману «Бесы» «Ш(атов) говорит, что это признак оторванности от почвы и от корня, если человек становится склонен любить женщин других наций <...> Парижанки, итальянки для русских бар. Гречанки, турчанки для русских поэтов, англичанки для критиков» [Достоевский 11: 219]. В романе «Подросток» Версиков, рассуждая о способности русского человека вливаться в чужую культуру, говорит: «Я во Франции — француз, с немцем — немец, с древним греком — грек и тем самым наиболее русский» [Достоевский 13: 277]. Приведенные выше цитаты не дают достаточного материала для того, чтобы говорить о едином художественном образе греков, однако отметим, что в «Преступлении и наказании» выбрано уничижительное обозначение представителя этноса («гречонка»), в двух других цитатах греки оказываются необходимы именно как образ, репрезентирующий «чужой» народ.

Наиболее развернуто геополитический образ греков явлен в наследии Достоевского 1870-х гг. — времени работы в журнале «Гражданин» и создания «Дневника писателя» (в скобках отметим весьма любопытное совпадение: с сентября 1875 по май 1878 г., как раз во время активной работы над «Дневником писателя», Достоевский жил в Петербурге на Греческом проспекте в доме купца Струбинского, выходявшем фасадом на величественное здание греческой церкви, построенное в византийском стиле). На это десятилетие приходится важнейшие события в аспекте становления независимости и государственности балканских народов: раскол Болгарской церкви в 1870 г. и Русско-турецкая война 1877–1878 гг. Каждое из этих событий непосредственным образом касалось греков и при этом было в фокусе внимания Достоевского.

Поясним существо конфликта 1870 г., результатом которого стало появление так называемого Болгарского экзархата. Находясь в составе Османской империи, болгары входили в православный миллет, во главе которого стоял Вселенский (Константинопольский) патриарх. На протяжении столетий на этом посту были этнические греки, они же занимали и остальные церковные должности. Подобная ситуация

привела к появлению глубоких противоречий внутри православного населения на национальной почве. Когда в 1830 г. был подписан Лондонский протокол, согласно которому южная Греция (с ней связано определение Достоевского «афинские греки») получила независимость от Османской империи, на всей территории Балкан усилился национально-патриотический подъем. При этом для болгар стремление обрести собственную государственность подразумевало двойное освобождение: не только от османского, государственного владычества, но и от греческого, церковного. В подобном контексте обретение независимости болгарской церковью от Константинопольского патриархата в 1870 г. было важным шагом. Подчеркнем еще раз: стремление болгар учредить независимую церковь имело под собой не собственно религиозные, а сугубо национальные основания.

Отделение Болгарской церкви создавало беспрецедентную ситуацию, на которую отреагировала специальная комиссия из Стамбула, в результате был проведен Собор 1872 г. Члены комиссии отмечали: несмотря на то что в современный им церковный обиход стали входить выражения «Греческая Церковь», «Русская Церковь», «Сербская Церковь» и т. д., эти Церкви учреждены не по национальному признаку, а исключительно по территориальному. Они объединяют всех православных христиан указанных государств независимо от их национальности. Последовательное проведение в церковную жизнь национального начала повлекло бы за собой появление национальных (а не поместных) Церквей. То есть на одной территории могли бы не параллельно существовать церковные структуры, объединяющие представителей разных национальностей. Вполне очевидно, что это не соответствовало канонам Православной Церкви.

Разумеется, эти события имели большой резонанс в российском обществе, причем позиции и мнения были подчас противоположными [Достоевский 23: 378–379]. Достоевский как мыслитель, публицист и редактор журнала «Гражданин» также оказался вовлечен в эти обсуждения. В контексте всего его творчества высказывания этого периода по поводу так называемого Восточного вопроса особенно значимы: обращает на себя внимание тот факт, что именно в связи с учреждением Болгарского экзархата появился один из первых зафиксированных откликов писателя на эту тему. В письме М. П. Погодину от 26 февраля 1873 г. Достоевский пишет: «В каноническом, или, лучше сказать,

в религиозном, отношении я оправдываю греков. Для самых благородных целей и стремлений нельзя тоже и исказить христианство, то есть смотреть на православие, по крайней мере, как на второстепенную вещь, как у болгар в данном случае» [Достоевский 29: 263]. Обратимся к предыстории появления этой части письма.

В 1872 г. в журнале князя В. П. Мещерского «Гражданин», редактором которого был в то время еще не Достоевский, а Г. К. Градовский, с 23-го по 28-й номер, по частям, выходила статья государственного деятеля, публициста и православного богослова Т. И. Филиппова «Определение Константинопольского собора по вопросу о болгарском экзархате» [Филиппов], в которой резко осуждались действия болгарских церковников. В том же году историк, публицист и славянофил Погодин произнес речь на заседании Славянского Благотворительного Комитета, где выразил точку зрения, противоположную позиции Филиппова: «Как славяне мы должны радоваться, что эти первые христиане из славян получают наконец полное богослужение на родном языке <...> и вместе приобретут или лучше возвратят себе могущественное средство для дальнейшего своего развития и образования. Как сыны православной церкви выразим глубокую нашу скорбь, что святое дело подало повод к раздору. Удивляемся, что греческое духовенство решилось действовать враждебным образом и не нашло средств удовлетворить законное желание. Если дело идет из мирских выгод, то, кажется, мы все готовы были бы соединенными силами вознаградить греков за вещественные потери. Греки не могут пожаловаться на недостаток в русских щедротах. <...> Жаль, что греки за наше добро безрассудными и неистовыми, как слышно, криками, платят нам не по-христиански, и возбуждают даже турок к вражде» [Погодин: 133]. Как видим, Погодин в своей речи игнорирует факт нарушения болгарскими церковниками порядка и считает законным не устав православной церкви, а желание болгар, отстаивающих свою национальную идентичность. Отметим особо, что позиция Погодина предполагает непосредственную вовлеченность России в конфликт между болгарскими и греческими, причем греки оказываются не просто противниками русских, но и катализатором конфликта между ними и турками.

В 1873 г. Достоевский начал работать в журнале «Гражданин», где к тому времени некоторые статьи Погодина уже были опубликованы, другие еще находились на рассмотрении в редакции. 25 января 1873 г.

Погодин пишет письмо Достоевскому, в которое вкладывает текст своей речи в Славянском комитете с пояснением: «Посылаю к сведению корректуры моей простой речи, которую начал печатать. Прочтите с единомыслящими, Майковым, Страховым, и с кем знаете, и сообщите ваше и общее мнение»¹. Не получив ответа, Погодин обращается к Достоевскому еще раз 23 февраля того же года: «Я до сих пор не знаю, получена ли была маленькая речь в Славянском комитете в январе, которую нужно было напечатать тогда же в ответ Константинопольским клеветам. Теперь время прошло»². В ответном письме Погодину от 26 февраля 1873 г. Достоевский объясняет причину своего молчания: «Речь в Славянском комитете мы прочли все, но напечатать не могли (и теперь не прошло бы время, по-моему; почему же прошло?) — единственно потому, что уже “Гражданин” печатал об этом статьи Филиппова, то есть о распре греков и болгар. Читали ли Вы? Если читали, то, наверно, усмотрели, что тут есть один пункт, противуречащий отчасти Вашему взгляду» [Достоевский 29: 263]. Добавим, что солидарность редакции журнала, то есть князя Мещерского, с позицией Филиппова была особо отмечена Достоевским в примечании к статье «Еще о болгарском вопросе», опубликованной в № 12 от 19 марта за 1873 г.: «Взгляд “Гражданина” на греко-болгарский вопрос известен обществу: он выражен в известных статьях г-на Филиппова, слово которого о дальнейшем ходе дела будет, как мы надеемся, в непродолжительном времени сказано на страницах нашего издания» [Достоевский 21: 274–275].

История переписки демонстрирует: в 1873 г. высказаться на тему о взаимоотношениях греков и болгар Достоевского побудили в первую очередь его должностные обязанности редактора. При этом позиция писателя однозначна: «нельзя исказить христианство» и ставить вопросы национальные выше конфессиональных. Заметим, что положение греков и болгар в системе геополитических воззрений Достоевского той поры оказывается сходным: это этносы, принадлежащие к православной вере, но отношение писателя к ним можно определить как нейтральное, они не входят в систему оппозиции «свое — чужое».

В процитированном выше письме к Погодину Достоевский упоминает статью К. Н. Леонтьева «Панславизм и греки», опубликованную

¹ НИОР РГБ. Ф. 93.П.7.100. Л. 1.

² НИОР РГБ. Ф. 93.П.7.100. Л. 3–4 об., 12.

в февральском номере журнала «Русский вестник» за 1873 г. [Леонтьев], с таким комментарием: «Эта статья меня даже поразила. Если не читали, то прочтите и напишите мне хоть два слова о ней. Хочу писать статью по ее поводу. Меня поразил особенно последний вывод о том, что собственно должен означать для России Восточный вопрос отныне? (Борьба со всей идеей Запада, то есть с социализмом)» [Достоевский 29: 263]. В записных книжках Достоевского за 1872–1875 гг. также встречается помета «Панславизм и греки» [Достоевский 21: 260], что подтверждает наш тезис об особом внимании писателя к названному труду Леонтьева. К сожалению, Достоевский не осуществил своего намерения написать статью об этом сочинении, но, как представляется, леонтьевские размышления повлияли на дальнейшее формирование его позиции по Восточному вопросу.

Сопоставлению религиозно-философских взглядов двух мыслителей посвящено большое количество работ филологов и философов ([Бочаров], [Карпова], [Ореханов, Постернак], [Семикопов] и др.), однако сравнительный анализ их видения Восточного и Славянского вопроса еще не проводился и заслуживает отдельного обширного исследования. Пунктиром обозначим некоторые особенности позиции Леонтьева, актуальные в свете нашего дальнейшего разговора о геополитическом образе греков в картине мира Достоевского (подробнее о позиции Леонтьева в этом вопросе см. [Григорова]).

Леонтьев определяет панславизм как большую опасность для греков. При этом он не видит будущего России как «чисто славянской державы»: «чисто славянское содержание слишком бедно для ее всемирного духа» [Леонтьев: 37]. Соответственно и центром панславянского государства Россия стать не может, и грекам не следует видеть в ее внешней политике на Балканах угрозу для себя. Тем не менее, Леонтьев считает русских пусть косвенными, но участниками конфликта между болгарами и греками: «Я думаю, если бы греки не подозревали везде за болгарами русских, они были бы покойнее» [Леонтьев: 38]. Публицист особым образом отмечает французское и английское присутствие на Балканах: по его мнению, если балканские земли оставят русские, их место будет занято названными европейскими государствами. Отдельно мыслитель подчеркивает: не стоит считать, будто процесс образования единого национального государства в Германии может стать примером для создания единого славянского государства, множество

принципиальных различий в положении германских и славянских народов на протяжении веков делает невозможным повторение немецкого сценария на Балканах. Как мы убедимся ниже, многие мысли Леонтьева стали предметом геополитической рефлексии Достоевского.

Геополитический образ греков вновь появляется в наследии Достоевского в 1876 г. В это время его пристальное внимание сосредоточено именно на Восточном вопросе, на положении славян на Балканах. Во второй половине 1870-х гг. позиция писателя уже сформирована, является целостной и завершенной, он — ревностный сторонник идеи единого панславянского государства. В связи с этим в его геополитической картине мира меняется и роль греков.

По мысли Достоевского, при падении Османской империи Константинополь должен стать не просто христианским городом, но столицей панславянского православного государства. Писатель не игнорирует как полинациональность и поликультурность современного ему Константинополя, так и то, что он входит в сферу геополитических интересов многих государств и народов, особое место среди которых занимают именно греки. Так, в сентябрьском номере «Дневника писателя» за 1876 г. читаем: «... как соединить такие несходные разнородности Балканского полуострова, да еще с центром в Константинополе? Тут греки, славяне, румыны. Чей будет Константинополь? Общий. Вот и рознь и свара, хоть у греков с славянами на первый случай (если предположить даже, что славяне будут все в согласии)» [Достоевский 23: 115].

Достоевский задается вопросом о том, каким образом можно добиться мирного будущего для Константинополя, и предлагает потенциальные возможные пути решения конфликта, однако сам же последовательно их отвергает: «Скажут: можно поставить главу, основать империю <...> Но кто же императором — славянин, грек, уж не из Габсбургского ли дома?» [Достоевский 23: 115]. В записных книжках за 1876 г. Достоевский исключает для Константинополя возможность стать и вольным городом: «Может ли, приготовлен ли Константинополь к тому, чтоб быть нейтральным, ничьим. Вольные города выжили свою форму сами длинной жизнью, а здесь что можно сотворить из ничего» [Достоевский 24: 271].

Причина подобной невозможности, по Достоевскому, кроется именно в многонациональном и многоконфессиональном характере

города: «Константинополь — огромная масса магометан, центр — магометане, к ним примкнул евреи, армяне и даже славяне против греков. Начнется война за преобладание, точь-в-точь та же, что и теперь в Турции. Греки не могут не потребовать большей свободы. Турки не смогут не начать избивать их как теперь и как сильнейшие. Патриарх поссорится за Софию, за христианство. Поссорятся за способности. Греки способнее, хитрее и образованнее турок, турки же сильнее массой, но греки не могут уже смотреть на них как на господ, ибо турки потеряли авторитет калифатства. (Да и все греки (Афины) будут с греками константинопольскими заодно). Война и резня (славяне, может быть, за турок)» [Достоевский 24: 271].

Как видно из приведенной цитаты, греки занимают особое место в геополитическом конфликте, способном разгореться в Константинополе. По мысли Достоевского, сила противоречия между ними и остальными народами в этом городе будет такова, что славяне могут объединиться даже со своими вечными врагами — турками — в борьбе с греками. Вывод, к которому приходит Достоевский, оказывается достаточно радикальным: «Греческий и славянский элементы не соединимы: оба элемента эти с огромными, совсем несоизмеримыми и фальшивыми мечтами, каждый о предстоящей ему собственной славной политической будущности» [Достоевский 23: 115]. Впервые Достоевский противопоставляет греков славянам, и камнем преткновения оказывается именно Константинополь, где непримиримо сталкиваются интересы единого панславянского государства с греческой национальной идеей — не случайно в ряду всех народов Достоевский отдельно выделяет так называемых афинских греков, уже образовавших независимое национальное государство.

Особую роль в противостоянии греков и славян Достоевский отводит Англии, которая самым активным образом претендует на Босфорские земли, преследуя собственные геополитические интересы (вспомним сходную позицию Леонтьева по этому вопросу). Англичане, по мысли писателя, «поставят международный гарнизон» в Константинополе «для блага, дескать, славян» [Достоевский 23: 115], а потом «присвоят себе все» [Достоевский 249: 272] под предлогом защиты славян и греков от России. В статье «Комбинации и комбинации», опубликованной в сентябрьском номере «Дневника писателя» за 1876 г., Достоевский пишет будто бы от лица Англии: «Не беспокойтесь и вы,

греки, Константинополь ваш: я именно хочу, чтоб он был ваш, а для того и занимаю его. Я только, чтоб его России не дать <...> Я же только временно постою в Константинополе, пока вы укрепитесь и пока из вас составится уже твердая и зрелая союзная империя. А до тех пор я ваша руководительница и оборона» [Достоевский 23: 115]. В том, что англичане не намерены оставаться на берегах Босфора лишь «временно», Достоевский не сомневается: «А уж где они поселятся, оттуда их трудно выжить, народ цепкий» [Достоевский 25: 71]. Таким образом, англичане выступают как псевдосоюзники греков, под видом помощи преследующие собственные выгоды.

В геополитической картине мира Достоевского греки оказываются связаны с еще одной европейской державой — Германией. В черновой редакции «Дневника писателя» встречаем формулировку: «...греки как теперь немцы. Немцы нам вреда не сделали, а греки-то бы сделали» [Достоевский 23: 199]. В чем для писателя заключается близость двух народов, о каком вреде идет речь? Достоевский имеет в виду вовсе не схожесть греков с германскими народами в стремлении обрести собственную государственность, в отличие от упомянутого выше Леонтьева, сопоставлявшего в своей статье национальные движения на Балканах и в немецких землях. Для Достоевского в фокусе внимания оказывается опасность, которой могла бы подвергнуться Россия в XVIII в. со стороны греков, если бы Петр I вышел не только к Балтийскому морю, но и вступил на берега Босфора.

По мысли писателя, эта опасность была бы сходна с той, которая исходила после петровских преобразований от немцев — «онемечивание» России и утрата ею собственной национальной идентичности. Достоевский полагает, что греки не только бы повлияли на все стороны русской жизни, как сделали немцы, но и отбросили бы Россию на несколько веков назад в ее развитии. Позиция писателя сформулирована и подробно изложена в июльском номере его моножурнала за 1876 г. в статье «Утопическое понимание истории»: «Уж когда в чухонском Петербурге мы не избегли влияния соседних немцев, <...> то как в Константинополе, огромном и своеобразном, с остатками могущественной и древнейшей цивилизации, могли бы мы избежать влияния греков, людей несравненно более тонких, чем грубые немцы, людей, имеющих несравненно более общих точек соприкосновения с нами, чем совершенно непохожие на нас немцы, людей многочисленных и царедвор-

ных, которые тотчас же бы окружили трон и прежде русских стали бы и учены, и образованны, которые и Петра самого очаровали бы в его слабой струне уже одним своим знанием и умением в мореходстве, а не только его ближайших преемников. Одним словом, они овладели бы Россией политически» [Достоевский 23: 48].

По мысли писателя, для современной России, обогатившейся и усилившейся с петровских времен, греки уже не представляют опасности, но являют собой большую угрозу для всеславянства. По Достоевскому, «всеславянство, без России, истощится там в борьбе с греками, если бы даже и могло составить из своих частей какое-нибудь политическое целое» [Достоевский 23: 49]. Как мы видим, сопоставление греков с немцами необходимо было для того, чтобы вновь актуализировать названную выше особенность их геополитического образа: противопоставленность панславянскому миру и враждебность по отношению к нему. С небольшими вариациями такая трактовка геополитического образа греков является константной для «Дневника писателя» конца 1870-х гг. и, скажем более, оказывается не просто ведущей, а единственной.

Получается, что православные греки, обладающие сильной национальной идеей и претендующие на Константинополь — потенциальный центр единого панславянского государства под «материнским» покровительством России, — оказываются не только не «своими» для писателя, но и «чужими», несмотря на их единоверие с русскими, славянское стоит едва ли не выше и важнее собственно христианского. Это позволяет понять и то, почему православные грузины, подданные Российской империи, оказываются в картине мира Достоевского «чужими». Особенности геополитического образа греков дают на этот вопрос следующий ответ: причина кроется в национальной инаковости грузин. Сравнительное исследование геополитических образов православных народов, находящихся за границами Российской империи, а также православного и христианского народа, входящих в ее состав, позволяет сделать вывод о том, что при отнесении того или иного этноса к «своему» или «чужому» миру для Достоевского этническая принадлежность оказывается более значимой, чем конфессиональная.

Список литературы

Источники

Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

Леонтьев К. Н. Панславизм и греки // *Леонтьев К. Н.* Избр. соч. в 2 т. М.: Юрайт, 2016. Т. 1. 344 с.

Погодин М. П. Собрание статей, писем и речей по поводу Славянского вопроса. М.: Д. М. Погодин, 1878. 180 с.

Филиппов Т. И. Определение Константинопольского собора по вопросу о болгарском экзархате // *Гражданин.* 1872. № 23. С. 161–164; № 24. С. 194–197; № 26. С. 249–253; № 27. С. 289–294.

Исследования

Бочаров С. Г. Леонтьев и Достоевский // *Бочаров С. Г.* Сюжеты русской литературы. М.: Языки русской культуры, 1999. С. 341–397

Григорова Д. Константин Леонтьев о Болгарском вопросе на Балканах // *Славяне и Россия.* 2019. № 1. С. 258–270. <https://doi.org/10.31168/2618-8570.2019.10>

Семикопов Д. В. Два типа экклесиологии в русской религиозной философии второй половины XIX века (Леонтьев contra Достоевский) // *Труды Нижегородской духовной семинарии.* 2011. № 9. С. 43–63.

Дороватовская-Любимова В. С. Французский буржуа (Материалы к образам Достоевского) // *Литературный критик.* 1936. № 9. С. 211–212.

Карпова Е. А. Почему К. Н. Леонтьев назвал идеи Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского «розовым» христианством? // *Философические письма. Русско-европейский диалог.* 2021. № 4 (3). С. 85–97. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-3-85-97>

Михновец М. В. Кавказ в системе геополитических представлений Ф. М. Достоевского // *Studia Rossica Gedanensia.* 2019. № 4. С. 97–106. <https://doi.org/10.26881/srg.2019.6.07>

Михновец М. В. Особенности формирования образа Кавказа в творческом сознании Достоевского // *Вестник Костромского государственного университета.* 2020. № 1. С. 132–137. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-1-132-137>

Новикова Е. Г. «Западные славяне» в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского периода русско-турецкой войны 1877–1878 гг. // *Имагология и компаративистика.* 2016. № 1 (5). С. 44–51. <https://doi.org/10.17223/24099554/5/3>

Новикова Е. Г., Понкратова Е. М., Кожевникова А. Г. Геополитическая карта мира Ф. М. Достоевского: системное описание // *Текст. Книга. Книгоиздание.* 2022. № 28. С. 5–21. <https://doi.org/10.17223/23062061/28/1>

Ореханов Ю. Л., Постернак А. В. Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский и К. Н. Леонтьев: смысл и значение спора о «Розовом христианстве» // *Ярославский педагогический вестник.* 2011. № 1 (3). С. 34–40.

Понкратова Е. М. «Дневник писателя» за 1876 г. Ф. М. Достоевского в свете геополитической проблематики // *Гуманитарные исследования. История и филология.* 2023. № 9. С. 82–92. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-83-93>

Русская литература XVIII–XIX столетий
М. В. Михновец. Православные «не-свои» в геополитической картине мира
Ф. М. Достоевского: христианский Кавказ и греки

Урушадзе А. Т. Армянская Апостольская Церковь в политике Российской Империи: поиск административного оптимума // Журнал фронтальных исследований. 2021. № 3 (23). С. 63–93. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3>

Щербинин А. И., Щербинина Н. Г. Картирование славянского мира в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Русин. 2018. № 4 (54). С. 292–302. <https://doi.org/10.17223/18572685/54/17>

References

Bocharov, S. G. “Leont’ev i Dostoevskii” [“Leontiev and Dostoevsky”]. Bocharov, S. G. *Suzhety russkoi literatury* [Plots of Russian Literature]. Moscow, Iazyki russkoi kul’tury Publ., 1999, pp. 341–397. (In Russ.)

Grigороva, D. “Konstantin Leont’ev o Bolgarskom voprose na Balkanakh” [“Konstantin Leontiev on the Bulgarian Question in the Balkans”]. *Slaviane i Rossiia*, no. 1, 2019, pp. 258–270. (In Russ.)

Semikopov, D. V. “Dva tipa ekklesiologii v russkoi religioznoi filosofii vtoroi poloviny XIX veka (Leont’ev contra Dostoevskii)” [“Two Types of Ecclesiology in Russian Religious Philosophy of the Second Half of the 19th Century (Leontiev contra Dostoevsky)”]. *Trudy Nizhegorodskoi dukhovnoi seminarii*, no. 9, 2011, pp. 43–63. (In Russ.)

Dorovatovskaia-Liubimova, V. S. “Frantsuzskii burzhua (Materialy k obrazam Dostoevskogo)” [“The French Bourgeois (Materials for Dostoevsky’s Images)”]. *Literaturnyi kritik*, no. 9, 1936, pp. 211–212. (In Russ.)

Karpova, E. A. “Pochemu K. N. Leont’ev nazval idei L. N. Tolstogo i F. M. Dostoevskogo ‘rozovym’ khristianstvom?” [“Why Did K. N. Leontiev Call the Ideas of L. N. Tolstoy and F. M. Dostoevsky ‘Pink’ Christianity?”]. *Filosoficheskie pis’ma. Russko-evropeiskii dialog*, no. 4 (3), 2021, pp. 85–97. <https://doi.org/10.17323/2658-5413-2021-4-3-85-97> (In Russ.)

Mikhnovets, M. V. “Kavkaz v sisteme geopoliticheskikh predstavlenii F. M. Dostoevskogo” [“The Caucasus in the System of Geopolitical Representations by F. M. Dostoevsky”]. *Studia Rossica Gedanensia*, no. 4, 2019, pp. 97–106. <https://doi.org/10.26881/srg.2019.6.07> (In Russ.)

Mikhnovets, M. V. “Osobennosti formirovaniia obraza Kavkaza v tvorcheskomo znaniu Dostoevskogo” [“Features of the Formation of the Image of the Caucasus in the Creative Consciousness of Dostoevsky”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, 2020, pp. 132–137. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2020-26-1-132-137> (In Russ.)

Novikova, E. G. “‘Zapadnye slaviane’ v ‘Dnevnikе pisatel’ia’ F. M. Dostoevskogo perioda russko-turetskoi voiny 1877–1878 gg.” [“‘Western Slavs’ in the ‘Diary of a Writer’ by F. M. Dostoevsky During the Russian-Turkish War of 1877–1878”]. *Imagologiya i komparativistika*, no. 1 (5), 2016, pp. 44–51. (In Russ.)

Novikova, E. G., E. M. Ponkratova, and A. G. Kozhevnikova. “Geopoliticheskaia karta mira F. M. Dostoevskogo: sistemnoe opisaniie” [“F. M. Dostoevsky’s Geopolitical Map of the World: A Systematic Description”]. *Tekst. Kniga. Knigoizdanie*, no. 28, 2022, pp. 5–21. <https://doi.org/10.17223/23062061/28/1> (In Russ.)

Orekhаnov, Iu. L., and A. V. Posternak. “L. N. Tolstoi, F. M. Dostoevskii i K. N. Leont’ev: smysl i znachenie spora o ‘Rozovom khristianstve’.” [“L. N. Tolstoy, F. M. Dostoevsky, and K. N. Leontiev: The Meaning and Significance of the Dispute About ‘Pink Christianity’”]. *Iaroslavskii pedagogicheskii vestnik*, no. 1 (3), 2011, pp. 34–40. (In Russ.)

Ponkratova, E. M. “‘Dnevnik pisatel’ia’ za 1876 g. F. M. Dostoevskogo v svete geopoliticheskoi problematiki” [“‘The Diary of a Writer’ for 1876 by F. M. Dostoevsky in the Light of Geopolitical Issues”]. *Gumanitarnye issledovaniia. Istoriiа i filologiya*, no. 9, 2023, pp. 82–92. <https://doi.org/10.24412/2713-0231-2023-9-83-93> (In Russ.)

Русская литература XVIII–XIX столетий
М. В. Михновец. Православные «не-свои» в геополитической картине мира
Ф. М. Достоевского: христианский Кавказ и греки

Urushadze, A. T. “Armianskaia Apostol’skaia Tserkov’ v politike Rossiiskoi Imperii: poisk administrativnogo optimuma” [“The Armenian Apostolic Church in the Politics of the Russian Empire: The Search for an Administrative Optimum”]. *Zhurnal frontirnykh issledovaniĭ*, no. 3 (23), 2021, pp. 63–93. <https://doi.org/10.46539/jfs.v8i3> (In Russ.)

Shcherbinin, A. I., and N. G. Shcherbinina. “Kartirovanie slavianskogo mira v ‘Dnevnikе pisatelĭa’ F. M. Dostoevskogo” [“Mapping the Slavic World in the ‘Diary of a Writer’ by F. M. Dostoevsky”]. *Rusin*, no. 4 (54), 2018, pp. 292–302. <https://doi.org/10.17223/18572685/54/17> (In Russ.)